

Читать Солженицына в школе никогда не рано

В издательстве «Просвещение» вышло сокращенное однотомное издание «Архипелага ГУЛАГа», предназначенное школьникам. По этому случаю в Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына прошла встреча московских учителей с вдовой писателя Натальей Дмитриевной Солженицыной, которая составила однотомник и написала к нему предисловие. Наталья Дмитриевна много рассказывала о жизни и творчестве Солженицына, отвечала на вопросы. С ее разрешения мы публикуем фрагменты этого выступления.

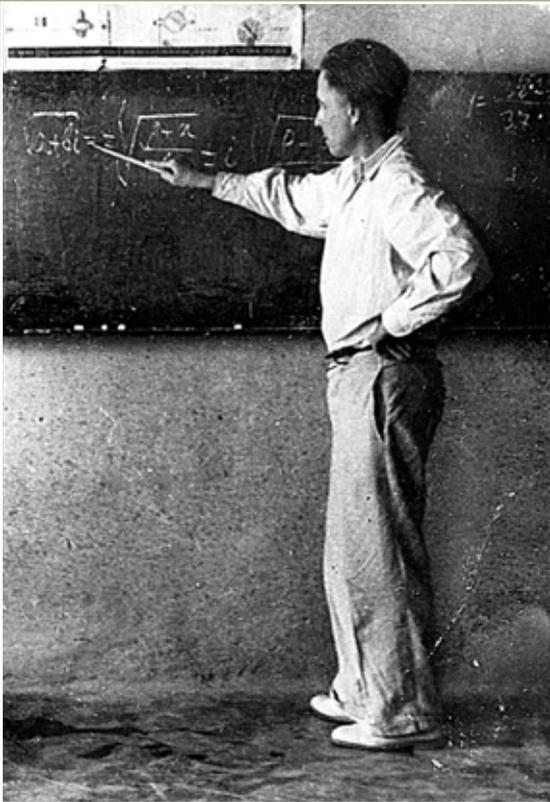
Солженицын-учитель

Александр Исаевич любил школу и, по свидетельству тех, кто у него учился, был талантливым педагогом. За свою жизнь он преподавал в пяти школах. В 1941 году он окончил физико-математический факультет Ростовского университета и получил распределение в среднюю школу города Морозовска, под Ростовом. Он, однако, рвался на фронт и мало что замечал вокруг себя. 16 октября 1941 года был призван в действующую армию, так что от этого первого учительского опыта впечатлений у него осталось немного.

Второй раз он учительствовал в ауле Кок-Терек Джамбульской области. В феврале 1953 года он освободился из лагеря и был сослан навечно в этот казахский аул. Ему было тогда тридцать четыре года. В Кок-Терек он рискнул зайти в роно и спросить, не нужны ли математики. «Ты откуда? Ах, ссыльный! Нет, не нужны». Александр Исаевич устроился счетоводом в сельпо, но недолгое время спустя к нему прибежал завуч местной школы: «Есть у тебя диплом? Ну давай, скорей тащи!» Оказалось, надо выпускать десятиклассников, а учителя нет. И вот Александр Исаевич за несколько месяцев до окончания учебного года стал преподавать математику и физику в старших классах и еще вести геодезический кружок. Один его класс был целиком казахский, другой состоял из детей ссыльных поселенцев: русских, украинцев, чеченцев, поволжских немцев. Александр Исаевич говорил, что таких учеников у него больше никогда не было — с такой жадной знаний, готовностью заниматься с утра до вечера. Эти дети могли надеяться только на учебу, для них это было единственное окно, единственная возможность вырваться в большой мир. Отсюда Солженицын, больной раком, дважды ездил лечиться в Ташкент.

В 1956 году политическую ссылку распустили и Солженицын перебрался в Среднюю Россию, жил в деревне Мильцево у Матрены, как это описано в повести «Матренин двор», и работал в Мезиновской школе Курловского района Владимирской области. Здесь кроме математики и физики он преподавал еще астрономию и вел кружок электротехники. Ученики ходили от дома до школы по пять-шесть километров, а жили в страшной бедности, были так же обездолены, как дети ссыльных, и почти никто из них не мог вырваться из этой нищей жизни. Многих родители подстрекали оставаться на второй год, чтобы пробыть в школе подольше, потому что только там можно было в сельпо купить хлеб. Занимались эти дети тоже с большой охотой. Сережа Фролов, любимый ученик Александра Исаевича, поступил в педагогический институт и стал учителем математики в самом городе Владимире.

Четвертая школа — это уже Рязань, там он работал с пятьдесят седьмого по шестьдесят второй год. Из этой школы № 2, в прошлом гимназии, когда-то вышел академик Павлов, немало других впоследствии известных людей получили здесь хорошее образование. Эта школа и в советское время оставалась одной из лучших в городе. Александр Исаевич преподавал там только физику и электротехнику, а часы его любимой математики, к сожалению, были заняты. Рязанские ученики по

Ссылный учитель математики у доски

сравнению с другими были самыми незаинтересованными. Конечно, одни занимались лучше, другие хуже, но, в общем, многие думали не столько о знаниях, сколько об отметках.

Наконец, пятая школа была домашняя — Александр Исаевич преподавал нашим сыновьям в Вермонте. Когда нас выслали, дети были совсем младенцами, но я привезла с собой все учебники, и, когда мальчики подросли, отец начал с ними заниматься всерьез. С двумя старшими — алгеброй, геометрией, астрономией и физикой (так что к двенадцати годам они прошли с ним все математические курсы), с младшим, несколько позже — только алгеброй.

Какие произведения изучать в школе

Читать Солженицына полезно и детям, и взрослым, на разных уровнях. Когда говорят, что дети не готовы к восприятию «Архипелага ГУЛАГа», я считаю это совершенно неверным. Что значит «не готовы»? А к убийствам, которые они каждый день видят по телевизору, диким, немотивированным, жестоким? К этому вообще человеческая психика может подготовиться? Нет таких произведений Солженицына, которые школьнику было бы рано читать. Другое дело, как много он из них поймет. Но если он их вообще не откроет в школе, то потом, может быть, не прочтет уже никогда. Я убеждена, что, если бы из школьной программы вынули, к примеру, Некрасова или Тургенева, наши дети вообще никогда не узнали бы, что есть такие русские классики. Разве что те, кто пойдет в гуманитарные вузы. А Солженицына стоит знать, потому что будущее нашей страны напрямую зависит от того, как мы понимаем наше недавнее прошлое.

В школьных учебниках есть разделы, посвященные творчеству и жизни Солженицына. Из тех, что вышли недавно, можно назвать «Литературу для 11-го класса» Голубкова и «Историю русской литературы XX века» Абеюк и Поливанова. А сверх учебников, мне кажется, учителю могут помочь девять дисков авторского чтения произведений Солженицына, выпущенные фирмой «Союз». Даже три-пять минут слушания такого чтения сделают урок интереснее. Александр Исаевич очень хорошо читает, и диски эти пользуются большим спросом.

В течение 2009 года проходил всероссийский конкурс школьных сочинений и методических разработок педагогов по произведениям Солженицына. Инициатором выступил главный редактор газеты «Литература» издательского дома «Первое сентября» Сергей Владимирович Волков. Мы присоединились к этому проекту: участвовали в работе жюри, оплатили приезд в Москву победителей; их награждение проходило в этом зале. На конкурс было прислано около четырехсот работ из 189 населенных пунктов России: от Калининграда до Владивостока и от Архангельска до Чечни; такая география бесконечно обрадовала бы Александра Исаевича. Жюри выделило девять победителей: шесть учителей и трех школьников. Мне особенно запомнился один замечательный учитель ОБЖ, который изучение «Архипелага» построил на главе о побегах: как собрать еду, как спрятать ножовку, как верно выбрать время... Работы затрагивали двадцать самых разных произведений Солженицына, при том, что в школьную программу входили только два: разбирали и «Письмо вождям», и «В кругу первом», и «Раковый корпус», и «Архипелаг ГУЛАГ», и «Крохотки».

Учитель Солженицын ведет учеников на занятия по геодезии. Кок-Терек, 1955 г.

Казахский 10-й класс школы им. Кирова с учителем математики и физики А.И.Солженицыным. Кок-Терек, 1955 г.

Еще одно большое событие — проект «Большое чтение» в Ивановской области, героем которого в 2009 году стал Солженицын. Люди целый год читали и обсуждали его книги, в библиотеках и школах шли диспуты, викторины, конкурсы плакатов. Все это происходило в 27 муниципальных образованиях, в чтение было вовлечено более 60 тысяч жителей.

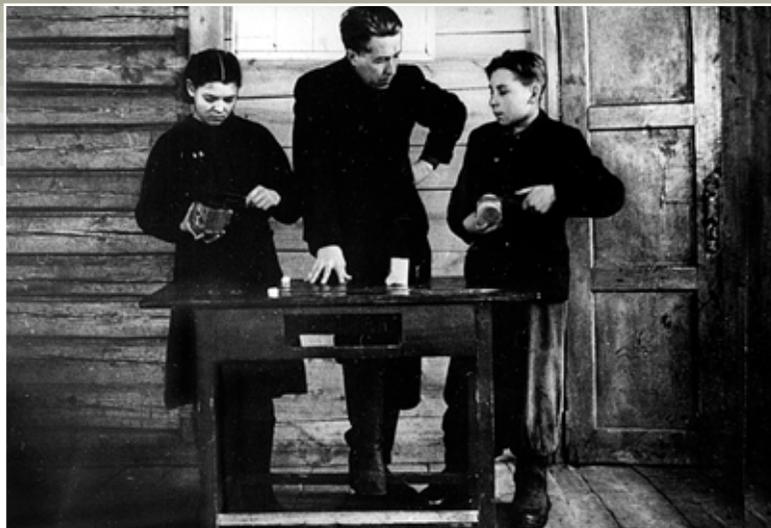
**«Архипелаг ГУЛАГ»
не утратил актуальности**

Александр Исаевич начал работу над «Архипелагом» еще в 1958 году, однако вскоре отступил, поняв, что не хватает материала, что на основе только личного опыта и опыта своих сокамерников нельзя написать такую охватную работу, какую следовало бы. А после того, как в ноябре 1962 года в «Новом мире» был напечатан «Один день Иван Денисовича», к нему хлынул поток писем, звонков от бывших зэков. Некоторые еще боялись писать, и Александр Исаевич встречался с ними лично и выслушивал, многие же присылали уже написанные воспоминания и свидетельства. И Солженицын понял, что, даже если он не хочет, у него нет морального права все это не собрать и не обобщить. Тогда он стал работать — конечно, в абсолютной тайне. Официальные документы и статистика были ему недоступны, а если бы он и получил к ним доступ, то много ли бы это ему дало? Даже сейчас вновь публикуемые новые данные отличаются от прежних. Но было несколько книг — они все цитируются в «Архипелаге», — изданных, что называется, по ошибке и потом изъятых из обращения, — например, книга И. Л. Авербах «От преступления к труду» о ранних концлагерях, Соловках и Беломорканале, или позорно известная книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», составленная из эссе тридцати шести советских писателей во главе с Горьким. Достать их было невероятно трудно, друзья помогли, и Александр Исаевич использовал приведенные в этих книгах цифры, даты, фамилии. Главное же, он исходил из свидетельств огромного числа бывших зэков. Его приблизительные оценки основывались на прикидках сидевших в ГУЛАГе людей, а среди них ведь было много высокообразованных и способных интерполировать то, что они видели, на всю систему. Так вот, поразительно то, что эти оценки в целом не расходятся с цифрами, приведенными в семитомном собрании документов, изданном в 2004–2005 годах Государственным архивом РФ. Одна весьма осведомленная американская исследовательница, Энн Эпплбаум, автор получившей Пулитцеровскую премию монографии об истории ГУЛАГа, писала: «Когда через пятьдесят с лишним лет после крушения СССР перечитываешь “Архипелаг ГУЛАГ”, поражаешься не тому, что в книге есть фактические ошибки, а тому, насколько их мало, учитывая, что у автора не было доступа ни к архивам, ни к официальным документам. Именно благодаря своей правдивости “Архипелаг” не утратил актуальности и значимости, которых у него не отнимешь».

**Как составлялся текст
сокращенного издания**

У меня не было какого-то единого критерия, каждая глава ставила свои задачи и создавала свои трудности. Но главная задача была: добиться и в этом сокращенном варианте непрерывности повествования. Легче всего было бы набрать яркие эпизоды, выбрать какое-то количество лагерных

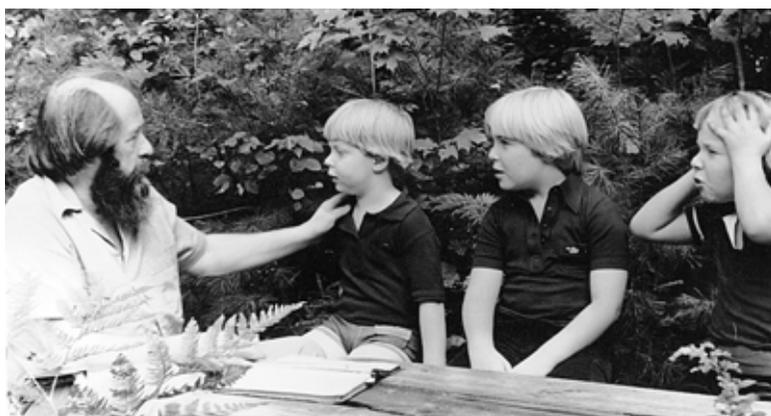
Мезиновская средняя школа, урок физики. Мезиновка, 1957 г.

А. И. Солженицын с любимым учеником Сережей Фроловым в избе у Матрены Мильцево, 1957 г.

Занятия с сыновьями. Слева направо: Степан, Ермолай, Игнат. Кавендиш (Вермонт), лето 1980 г.

историй, которых в книге очень много, но тогда у читателей не было бы ощущения, что работала Система, они могли бы подумать: ну, не повезло этим людям, попали под колесо... пусть сотням, тысячам не повезло. А мне хотелось сохранить общую идею, заложенную в большую книгу, сохранить представление об огромной машине уничтожения, о том обморочном состоянии, в котором находилась наша страна и на которое обречена любая страна, если она отдается тоталитаризму. У нас сейчас тоже очень плохо, огромное расслоение, нищета, несправедливость, и многие, оглядываясь назад, говорят: тогда было лучше, наши дети тогда ездили в пионерские лагеря, а сейчас клей нюхают по подъездам. Большой соблазн сказать: мы хотим вернуться обратно, в ту зону, там было спокойнее,

была гарантированная пайка... Но надо бы не поддаваться этому соблазну. Сегодня многие живут скудно, наша материальная, физическая жизнь зависит от этого социального расслоения, от маленькой зарплаты, от того, что в метро зайдешь и не знаешь, выйдешь ли, — это все правда, но все-таки мы свободные люди. От нас не требуют, чтобы мы хором говорили одно и то же, и не сажают в тюрьму за критику власти. Мы можем обо всем говорить со своими детьми. (А ведь прежде боялись сказать детям, что их дедушка, или дядя, а то и отец где-то сидит, — из страха, как бы они не обмолвились в классе). Власть денег — это подлая власть, она и раньше в России была — читайте Глеба Успенского, — это ужасно, но она не требует от человека его душу. Мы все-таки не рабы. Конечно, кто любит деньги, тот и душу отдаст, но это его вольный выбор. А при тоталитаризме от каждого требуют душу в обмен на пионерские лагеря и какие-то гарантии в относительно благополучные годы. Вот я и хотела, чтобы люди понимали: это не было случайностью — такая-то история на Соловках и такая-то на Колыме.

И второе: мне хотелось, чтобы не было видно швов, ухабов, чтобы это было путешествие по островам архипелага по той именно траектории, которую наметил сам автор, лодчман этого плавания, то есть, чтобы не нарушалась внутренняя логика книги. Насколько мне это удалось, пусть судит читатель. Некоторые главы я сокращала очень значительно, другие меньше. Предпочтение отдавала художественной силе. Это ведь художественное исследование. Есть вещи, которые непосильны, излишни для школьников, скажем, подробно прослеженное в трех главах становление «Закона». Как ЧК стало ГПУ, потом НКВД, потом КГБ. Эти подробные историко-юридические экскурсы можно опустить, хотя и не вовсе. Тут сокращение шло по принципу избыточности. Но было и наоборот. Например, в книге есть несколько глав, посвященных побегам. Главу «Убежденный беглец», своеобразную теорию побегов — как и когда бежать, кто бежит, почему, хотя это почти безнадежная затея, — я оставила, несколько сократив. Другую, где излагалась инженерная часть побегов, тоже оставила. А изумительную главу с подзаголовком «Белый котенок», интересную, как детектив, в которой рассказано о конкретном побеге Георгия Тэнно, друга Александра Исаевича, главу увлекательную, легкую для чтения, я вообще исключила. Потому что она ничего не добавляет сверх сказанного в тех двух главах, а кто захочет прочитать — пожалуйста! Трехтомник «Архипелага» доступен. Так что в каждой главе были свои соображения, и всё, повторяю, было подчинено общей задаче: не ослабить силу впечатлений.

Многие недобросовестные критики нападали и нападают на Александра Исаевича за то, что он якобы в десять раз преувеличил число жертв, написав, что в ГУЛАГе погибло 66 миллионов человек. Во-первых, никогда он этого не писал. В книге есть ссылка на профессора статистики и экономики Курганова, который опубликовал оценочную цифру 66 миллионов, в которые входят жертвы гражданской войны, голода Поволжья, все уничтоженные между Первой и Второй мировыми войнами и нерожденные дети тех, кто погиб. А во-вторых, меня поражает вот что: в стране, где написано про «слезинку ребенка», всерьез обсуждается: не столько миллионов погибло, а *всего* столько-то, не четыре миллиона расстреляно, а *всего* 800 тысяч. Что же, значит четыре миллиона — это много, а 800 тысяч — ничего? Допустимо? В этой книге внима-

ние сконцентрировано не на цифрах, о которых пускают спорят историки, а на моральной оценке, — вот это мне казалось невозможным упустить. Давайте пойдем: мы кто друг другу? Не один же Сталин всех уничтожил, ведь сколько было исполнителей, а сколько сверх того доносчиков, которые доносили на соседа, чтобы занять его квартиру! Одна часть народа, большая часть, уничтожала другую, еще большую. Неужели не надо с этим разобраться, а так и тащить с собой в будущее, продолжая повторять: зато мы ракеты построили!

Что сказал бы Солженицын нынешним школьникам

Александр Исаевич несколько раз встречался в Москве со школьниками и всегда говорил им то же, что и своим сыновьям: судьба — это характер. Не верьте тем, кто говорит, что судьбу определяют обстоятельства: одному повезло, другому нет. Обстоятельства, конечно, есть, и роль играют немалую. Но судьбу определяет характер. С какого-то момента родители перестают вас пестовать как младенцев, учить, как правильно есть и как шнурки завязывать. Потом, когда вы становитесь постарше, вас чему-то учат учителя, но затем наступает время, когда человек сам за себя отвечает. И, даже если он этого не осознает, он строит свой характер ежедневными мелкими поступками, ежедневными маленькими решениями — дома, в классе, на улице. Он все время вынужден, когда его уже не водят за ручку, принимать решения. Примеров можно не приводить — все знают по себе. Каждую минуту перед нами стоит маленький вопрос, мы можем поступить так или этак. Так, выбор за выбором, мы формируем свой характер. И не только волю, а систему наших ценностей. Это самовоспитание, от которого многие отказываются. Марксизм считает, что все зависит от среды, и это обман, главное в жизни зависит от самого человека, в том числе приятие и неприятие тех соблазнов, которые вокруг раскинуты. В общем, все времена в каком-то смысле друг от друга не отличаются, потому что каждое из них ставит перед человеком одну и ту же задачу: говоря высокопарно, служить добру или злу. Но ведь оно так и есть, большинство наших решений — это выбор не между большим и меньшим добром, нет, мы выбираем, плохо сделать или хорошо, или ничего не сделать, то есть просто не заметить, мимо пройти, а это зло. Каждому человеку только и можно пожелать не уклоняться от этой ответственности строить самого себя. А конкретные соблазны... Сейчас они одни, в другое время другие. Сейчас нам очень страшно, потому что в последнее время перемены в нашей стране слишком быстрые для человеческой жизни, слишком крутые и радикальные. К ним трудно привыкнуть. Многим людям кажется, что вся жизнь прошла впустую, никому не нужно то, на что положены были все силы. Это очень тяжело. Поэтому мы и думаем: Апокалипсис при дверях. А на самом деле, в истории России, наверно, было много поколений, которым пришлось еще хуже. Что было в семнадцатом, восемнадцатом, девятнадцатом годах? И холодно, и есть нечего, и весь ГУЛАГ еще впереди. Гимназии поразрушили, вместо них — обучение бригадным методом. Тогда тоже казалось: всё, конец света. Разве тогда было не страшнее? Так что ни оправдываться тяжелыми обстоятельствами не нужно, ни оправдывать свое поражение. Надо говорить не «нас победила жизнь», а «мы ей сдались». Растите свой характер. Я думаю, Александр Исаевич сказал бы так.

Публикацию
подготовила
Наталья
Мавлевич